

Статья подготовлена в связи с 250-летием публикации книги А. Смита «Теория нравственных чувств». Выделены некоторые высказывания А. Смита о природе нравственности в обществе, актуальные применительно к современной России. Представляют несомненный интерес для сегодняшнего читателя его идеи о связи нравственных норм с ростом благосостояния, увеличением доли «среднего класса» и нормами поведения, принятыми в «высшем обществе». Показано, в каком направлении идеи Смита развивались представителями разных экономических школ.

Ключевые слова: Адам Смит, мораль, нравственность, полезность, добродетель, порок, религия, экономические теории

К 250-летию «Теории нравственных чувств» А. Смита

Экономика: нравственность и свобода

В. И. КЛИСТОРИН,

доктор экономических наук,

*Институт экономики и организации промышленного
производства СО РАН,*

Новосибирск

E-mail: klistorin@ieie.nsc.ru

Велосипед уже придуман...

На фоне запоздалого осознания, что финансовый кризис, во-первых, оказался еще и экономическим, во-вторых, мировым и, в-третьих, – наиболее глубоким и продолжительным за последние 20, 50 или даже 70 лет, зазвучали многочисленные голоса о системном кризисе децентрализованной рыночной экономики. Заговорили об алчности и аморальности финансистов, менеджеров и ошибках ФРС, диктате доллара, зловредности хедж-фондов, злокозненной роли офшоров и необходимости строительства новой мировой финансовой архитектуры, в которой развивающиеся страны получили бы достойное представительство.

© ЭКО 2010 г.

Необходимо заметить, что эти эпигоны О. Бланки и Л. Троцкого оживились не случайно, но их выводы и предложения, как это и водится у левых интеллектуалов и правых радикалов, представляют собой гремучую смесь невежества и ангажированности, органической неспособности к анализу фактов и вопиющего цинизма.

Не совсем понятно, кто из «критиков» капитализма стремится «отмазать» провалы государства, кто в юношеском задоре стремится сломать все то, что было построено «предками», а кто просто делает бизнес на имидже радикала. Но вне зависимости от цели все критики пытаются максимально упростить реальные и предложить надуманные проблемы, переверстать историю и манипулировать фактами. И вот уже режиссер-«документалист» Майкл Мур делает фильм об аморальности капитализма, Николя Саркози объявляет войну бонусам, а Барак Обама ставит новые рекорды в дефицитном финансировании государственных расходов.

Так действительно ли аморален капитализм, действительно ли государство адекватнее выражает общественный интерес, чем система рыночных обменов, а всемогущее государство способно обеспечить технологический и социальный прогресс как в отдельной стране, так и во всемирном масштабе?

Прежде чем «усиливать» воздействие государства, следовало бы ответить на эти вопросы, вспомнить дискуссии прошлых лет на подобные темы и переосмыслить аргументы сторон.

Речь не идет о призыве к интеллектуальному фундаментализму в светском или религиозном смысле (хотя такие движения имеют место, но представляют паллиативное решение действительных проблем, поскольку мир меняется, как бы ни противно это было кому-либо или всем вместе). Простое чтение великих произведений прошлого способствует интеллектуальному осмыслению сегодняшних проблем и позволяет (отчасти) избежать ошибок и заблуждений.

Это вовсе не значит, что любую дискуссию следует начинать «от Адама», но размышления Адама Смита, как представляется, помогут удержаться от изобретения велосипеда.

Образованщина, или о вреде учебников

Обычно автор всегда умнее или, по крайней мере, знает гораздо больше, чем изложено в его произведении¹. Но среди общедоступных произведений есть особая порода книг, называемых учебниками, в которых авторы вынуждены заметно упрощать собственные знания и идеи для сохранения логики и простоты изложения, исключения спорных или дискуссионных моментов и т.п. Очевидно, что характер этих упрощений определяется составом аудитории, которой предназначено произведение. Поэтому осознание авторами ограниченности собственного знания, логических нестыковок и особых случаев никого не интересует. Более того, можно легко запутать неподготовленного читателя и отбить у него интерес к последующему чтению.

Проблема состоит в том, что для подавляющего большинства последующее чтение **вовсе** не наступает, и многие интеллектуалы в своем развитии так и остаются на уровне учебников или их отрицания, что в принципе одно и то же. Отсюда знаменитая шутка о том, что экономике можно обучить и попугая: достаточно добиться от него отчетливого произношения слов «спрос» и «предложение».

Если говорить серьезно, то хорошего экономиста от плохого отличает лишь то, что первый постоянно помнит, что имеет дело с людьми, а второй лишь оперирует индикаторами.

О том, для чего написана эта статья, или вперед к Адаму

250 лет назад в Глазго была опубликована книга «Теория нравственных чувств»², которая, несомненно, относится к числу классических произведений – тех, о которых многие слышали, да не многие прочитали.

Пересказывать содержание этой книги совершенно невозможно, поскольку ее автор отличался исключительной скрупулезностью при написании своих произведений: он отсекал

---

¹ Мы оставляем в стороне вопрос о божественном откровении.

² *Смит А.* Теория нравственных чувств. – М.: Республика, 1997. – 351 с.

все лишнее и надуманное, писал четко и коротко, а стиль изложения и аргументация таковы, что, по выражению одного из комментаторов, его мысли были понятны самому тупому из современных ему читателей.

Адам Смит поставил перед собой амбициозную цель создать общую теорию о человеке и обществе, которая включала бы психологию, элементы философии (такие, как этика и эстетика), и уже самостоятельные в то время области знаний, например, историю и экономику. Но начал он именно с этики.

Современным экономистам следовало бы обратить внимание на некоторые особенности этого произведения и соответствующие методологические находки и идеи, представляющие интерес и спустя четверть тысячелетия. Кое-что в книге звучит банально, но ведь и заповедь «не укради» когда-то была открытием...

Рассмотрение общего порядка и предельных случаев.

А. Смит излагает свои мысли так, что почти в каждый абзац хочется вставить слова «обычно» или «как правило». Это позволяет ему однозначно определять причинно-следственные связи и строить модель «медиального» индивида. Казалось бы, крайности его не интересуют: «Какую бы степень эгоизма мы ни предположили в человеке, природе его... свойственно участие к тому, что случается с другими...»³. Но он рассматривает особые и предельные случаи, например в главе о происхождении честолюбия.

Теория и история. А. Смит черпает не только примеры, но и сами идеи из исторического анализа, но нигде не показывает, будто в истории есть какая-то внутренняя логика или философия. Наличие связей между историческими фактами не дает основания для утверждения, что история движется в каком-то направлении.

Воображение как способность людей понимать друг друга. «Так как никакое непосредственное наблюдение не в силах познакомить нас с тем, что чувствуют другие люди, то мы не можем составить себе понятия об их ощущениях иначе, как представив себя в их положении»⁴.

³ Смит А. Указ. соч. С. 31.

⁴ Там же. С. 31.

Для А. Смита изначально человек становится человеком только в обществе, где система общения и обменов, на каких бы принципах они ни строились, оказывается необходимым элементом самого существования индивида. При этом перенесение на других собственных представлений о ценностях и целях является единственной стабильной основой существования общества как единого организма. Более того, наш чувственный опыт нужен только для того, чтобы корректировать свои ожидания. И именно ожидания составляют фундамент общения и обменов.

Чувство симпатии как основа общения. Против обычного представления о том, что нам безразлично, с кем иметь дело, и вся проблема общения заключается лишь в личной выгоде, А. Смит утверждает, что люди инстинктивно выбирают партнеров среди тех, чьи ценности и цели близки им. Это делает общество сегментированным безотносительно к имущественному расслоению, классовой принадлежности и положению в системе властных отношений. Тем специалистам, которые занимаются проблемами малых групп, клиентелизма и коррупции, настоятельно рекомендую перечитать эти пассажи классика.

Общественные и антиобщественные страсти. Реакция одобрения людьми всех действий, направленных на построение мирной и счастливой жизни, является нормальной, как и порицание поведения, обуславливающего разлад и разрушения. Добавлю: если люди перестают понимать разницу между первыми и вторыми, то нравственность в таком обществе находится в явном упадке. Тогда общество тяжело больно.

Тщеславие. «Главная цель наша состоит в тщеславии, а не в благосостоянии или удовольствии...»⁵. А. Смит не порицает тщеславие как таковое, равно как и основные способы его удовлетворения – богатство и славу. Более того, он утверждает, что и большинство людей не видят в них ничего скверного и аморального. Причем уважение и восхищение «богатыми и знаменитыми» носит вполне альтруистический характер. «Наша угодливость перед высшими чаще рождается из нашего восхищения выгодами их положения, чем из

---

⁵ Смит А. Указ. соч. С. 70.

затаенной надежды получить какую бы то ни было пользу от их расположения»⁶.

Элита и остальные. Если богатые и знатные люди занимают общественное положение просто в силу неких прошлых обстоятельств, то простому человеку требуются усилия для достижения положения в обществе, и у него (в нормальном обществе) нет других средств, кроме личных достоинств и качества ума. «Честность и благоразумие, великодушие и искренность должны отличать все его поступки в обыденной жизни»⁷.

А. Смит считал, что в силу этого высокие моральные качества чаще встречаются среди простых людей, так же, как и трудолюбие, настойчивость, твердость и т.д., что объясняет назначение на самые важные и ответственные должности представителей именно средних классов в странах с разным политическим устройством. «Для средних и низших слоев общества едва ли не единственная возможность отличиться состоит в приобретении богатства, по крайней мере, в такой степени, на какую они могут благоразумно рассчитывать»⁸. Эти же слои в основном предъявляют спрос на нравственное поведение окружающих и справедливые законы.

В дальнейшем К. Маркс выдвинул теорию классово-морали и объявил аристократию и буржуазию, в отличие от пролетариата, безнравственными классами. Интересно, что Смит на исторических примерах показывает, что «унижение государя» более невыносимо в глазах народа, чем гибель сотен и тысяч простых людей⁹.

Добродетель и порок. А. Смит избегает четких дефиниций применительно к этим, казалось бы, фундаментальным понятиям. Он осознает их относительность не только в отдельных случаях и конкретных поступках, но и в различных эпохах и обществах. Ограничиваясь описанием проявлений

---

⁶ Смит А. Указ. соч. С. 71.

⁷ Там же. С. 74.

⁸ Там же. С. 79.

⁹ Возможно, если бы И. Сталин ограничился убийством Тухачевского и Блюхера, Каменева и Зиновьева или Бухарина и Рыкова (все они посмертно реабилитированы), он не вызывал бы того обожания у значительной части граждан России, как это происходит теперь.

добродетели и порока, делает исключение лишь для справедливости, поскольку без нее «громадное здание, представляемое человеческим обществом... немедленно рушится и обращается в прах»¹⁰.

Важно, что именно понятие и восприятие населением справедливости (при всех особенностях этого восприятия) составляет основу устойчивости всех режимов: от монархических до демократических.

Религия, церковь и мораль. А. Смит был, по-видимому, религиозным человеком, но лишь изредка в своем произведении упоминает о божественном происхождении нравственности, и то в весьма своеобразной форме. Так, пятую главу третьей части книги он назвал «О влиянии и авторитете общих правил нравственности; они справедливо принимаются за законы самого Бога». Более того, в других фрагментах он показывает, что нравственные нормы имеют социальную природу и могут лишь совпадать с религиозными убеждениями и нормами, равно как и с законами государства. Еще меньше внимания уделено церкви как социальному институту в формировании нравственных норм. Об этом обстоятельстве следует напомнить тем, кто связывает проблему нравственного возрождения с клерикализацией школы и общества.

Полезность. «Проницательный философ¹¹, который впервые заметил, почему нас привлекает полезность, был до такой степени поражен отмеченным обстоятельством, что решился вывести наше уважение к добродетели из ... полезности... Однако я остаюсь при мнении, что первая и главная причина нашего одобрения или неодобрения не вытекает из осознания того, что может быть нам полезно или вредно»¹².

Рациональность. Вся книга оставляет впечатление, что человек в понимании А. Смита – существо эмоциональное, то есть нерациональное. И это сбивает с толку тех, кто наслышан о «homo oeconomicus» из «Богатства народов» того же автора. Но противоречия здесь нет. Будучи иррациональными, мы пытаемся представить себе других людей рациональными

---

¹⁰ Смит А. Указ. соч. С. 101.

¹¹ Имеется в виду Дэвид Юм.

¹² Там же. С. 188.

только потому, что это позволяет наладить общение и обмен. Мы пытаемся понять их ценности и цели, прогнозировать их реакцию и поступки. Но это гораздо проще сделать, если мы мыслим наших партнеров законченными эгоистами или – что еще проще, алчными себялюбцами. Исключение мы делаем для ближайшего окружения либо из-за чувства долга, либо в силу взаимной симпатии (см. Д. Карнеги).

Простим себе это упрощение. Можно встретить немало суждений, что отдельные политики психически неадекватны, страдают фобиями и комплексами, но люди охотнее воспринимают объяснение их решений более рациональными причинами.

После Адама Смита

По иронии судьбы идеи отца-основателя классической политической экономии вполне успешно развивали и представители других направлений экономической мысли.

Ученик Д. Рикардо **Дж. С. Милль** был в большей степени смитцианцем, чем рикардианцем. Его идеи социального и нравственного прогресса, которые базируются на укреплении института частной собственности и определяют в конечном счете технологический и экономический прогресс, близки к идеям А. Смита. Представление Милля, что защищенность жизни и имущества приводит к смягчению нравов, развитию солидарности, благотворительности и т.п., Смит, несомненно, одобрил бы.

В. Рошер и К. Маркс, хотя и по-разному, уделяли большое внимание единству экономической и социальной жизни. В частности, Маркс вовсе не догматически относился к своей теории, когда речь шла о практических вопросах, например, о путях перехода России к социализму.

Г. фон Шмоллер начал свои «Основы общего учения о народном хозяйстве» с анализа психологических, этических и правовых норм человеческих общностей, базовых институтов: семьи, социальной группы и нации. И только потом перешел к понятиям собственности, классов и форм предпринимательства. Ясно, что традиционные экономические понятия – рынок, стоимость, рента, кредит и т.п., при таком изложении приобретали совсем другое звучание.

В. Зомбарт в центр всей своей конструкции поставил эволюцию «духа» общества. Его социально-психологическое описание генезиса буржуазного мировосприятия и его трансляции в другие социальные группы и сегодня не только с интересом читаются, но и вполне полезны для понимания действительности. То же справедливо и для подхода к анализу поведения социальных групп **М. Вебера**, включая проблемы рентаориентированного поведения, роли городов в развитии общества, генерации идей и их влияния на нравственные нормы.

А что же представители «main stream»? **Л. Вальрас**, а за ним и **В. Парето** считали, что экономика как наука состоит из «чистой теории», подобной классической механике, прикладной экономики, где уже необходимо учитывать несовершенства рынка, неполноту информации и т.п., и морали (или, как сказали бы сегодня, — социологии и социальной психологии). Причем В. Парето свою главную заслугу видел именно в создании современной социологии. Представление об инстинктах, почерпнутое, видимо, из психологии (или трудов Т. Веблена), привело к идее одновременной рациональности и иррациональности поведения индивида, когда последний осуществляет выбор на основании иррациональных инстинктов, а потом рационально объясняет свои действия.

Иную схему предлагали австрийцы. Так, **Л. фон Мизес** считал ценностные суждения принципиально не проверяемыми, а иррациональными, следовательно, не подлежащими обсуждению: например невозможно переубедить человека в том, что его идеи ложны. Как сказал один умный человек: «Верую, ибо нелепо». Соответственно, цели, преследуемые индивидом и основывающиеся на ценностях, тоже иррациональны. Более того, лишь будущие историки смогут частично реконструировать наши цели и отчасти тот круг ценностей, который их породил.

Рациональным может быть лишь выбор средств достижения цели, этим и должна заниматься экономическая наука.

Вызывает уважение позиция **В. Ойкена**, высказанная в Германии в середине 1930-х годов: социальная рыночная экономика, то есть экономика свободного общения, единственная,

которая может дать благосостояние для большинства, базируется на частной собственности и ответственности, с ней связанной. А его единомышленник **У. Липман** показал, как общество может отвернуться от этих идей.

Список мнений, отличных от базовых моделей, изложенных в учебниках, можно продолжать до бесконечности. Хорошему экономисту следует быть осведомленным о достижениях других наук. Трудно говорить о профессионализме, если специалист не знает истории, в том числе и собственной науки.

О свободе

Если согласиться, что моральные нормы вырабатываются в ходе общения, возникает вопрос: в чем причина их разительных отличий в разных обществах? По А. Смиту, сами причины делятся на объективные и субъективные. Объективные связаны с достатком: «Человек только тогда начинает интересоваться прочими людьми, когда его собственное положение становится сносным», а субъективные – с образцами поведения: «В каждую эпоху и в каждой стране поведение более всего уважаемых людей принимается за мерило, с которым сравнивают вообще все добродетели и нравственные качества»¹³.

Свобода общения и обменов создает условия как для роста благосостояния (о чем написано в «Богатстве народов»), так и для трансляции образцов нравственного поведения. (Когда руководители страны и творческая элита начинают использовать жаргон и нецензурную лексику – моральный, экономический и социальный кризисы стране гарантированы.)

Откуда же берется «упадок нравов»? Из нищеты, безнравственного поведения сильных мира сего и диктата государства, создающего нормы, обязательные для подданных, но необязательного для избранных, то есть – из нарушения принципа справедливости...

---

¹³ Смит А. Указ. соч. С. 204.